

«Политика кнута и пряника может стать началом совместного китайско-российского правления, когда страны Центральной Азии не будут иметь права голоса в процессах принятия решений, касающихся их или их будущего развития», – отмечает в своей статье исследовательница Нина Михольчич, написанной специально для CABAR.asia.

Подпишитесь на нашу страницу в [Facebook!](#)

Китай и Россия в течение почти трех десятилетий искусно конкурируют в регионе, оставляя своим меньшим соседям по крайней мере тактические рычаги для принятия решений о том, чье правление принять и какие проекты поддержать. Однако новое усиление китайско-российских отношений может привести к другому набору стратегических проблем для центральноазиатских стран.

Хотя было бы смело утверждать, что китайско-российские отношения не имеют серьезных противоречий и что интересы этих двух региональных влияний полностью настроены против США[1]. Тем не менее сотрудничество между Пекином и Москвой, которое в последнее время значительно усилилось, заставляет небольшие страны между ними оправданно опасаться.

Центральная Азия стала важной стратегической точкой, где китайско-российские интересы сталкиваются и сливаются одновременно. Две конкурирующие организации в регионе – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), раскрывают эту конкурирующую сторону отношений Пекин-Москва[2]. Тем не менее, общие интересы, такие как стремление оспорить доминантную западную международную систему[3], а также взаимные экономические и политические интересы в стабильной и безопасной Центральной Азии, достаточно важны, чтобы затмить любые существенные различия и укрепить китайско-российское партнерство.

Китай был заинтересован в удовлетворении возросшего спроса на энергоносители, а также в расширении своего присутствия в Центральной Азии в целях реализации амбициозного проекта Один Пояс-Один путь Си Цзиньпина. Этот богатый углеводородами регион нуждается в крупных экономических инвестициях, которые дают Китаю много возможностей для установления прочных региональных

экономических и политических связей.

С другой стороны, Россия пытается сохранить свое господство над «ближним зарубежьем», особенно посредством двусторонних инструментов, касающихся энергетических отношений, долговых соглашений и статуса мигрантов[4]. Несмотря на то, что российское присутствие все еще является значительным и пронизывает культурные, политические и экономические отношения в регионе, страны Центральной Азии постепенно освобождаются от российского правления, одновременно принимая китайскую сторону и проекты.

Ослабевающая мощь России может совпадать с растущим присутствием Китая в Центральной Азии, что парадоксальным образом сближает эти две страны, возможно, за счет их менее развитых и нуждающихся в инвестициях соседей.

Нынешняя конфигурация треугольника Пекин-Москва-Вашингтон идет не в пользу США. Поскольку тандем Путин-Си Цзиньпин не демонстрирует никаких признаков замедления, Вашингтон может быть обеспокоен, особенно в связи с тем, что китайско-российские отношения ставят более агрессивную внешнюю политику не только в сторону США, но и в отношении соседних стран. Вашингтон решительно выступает против синоцентричных региональных амбиций Си и восстановления Путиным евразийской (советской) сферы влияния[5]. Такая оппозиция сближает Китай и Россию, поскольку США выступают в роли общего противника. Кроме того, Китай и Россия имеют геостратегическое преимущество перед США в Центральной Азии. Геокультурная близость и аналогичные цели внешней политики дают китайско-российской повестке дня больше рычагов в регионе, где отчужденный Запад с его подчеркнутой демократической политической программой не в состоянии привлечь более широкую аудиторию.

Китайские пряники и русский кнут

Симметрия китайско-российских интересов ощутима в сильном стремлении Китая и России сохранить политический статус-кво и предотвратить распространение радикального экстремизма в Центральной Азии. Однако их методы достижения такой стабильности сильно различаются[6]. Россия хорошо известна своей принудительной дипломатией, особенно в отношении соседних бывших советских республик. С целью сохранения своего господства и контроля в региональной сфере влияния Россия, не колеблясь, использует жесткие инструменты, такие как кибер, энергетические и морские претензии[7]. Стратегия «кнута» лежит в основе региональной дипломатии России, которая сопоставляет «поощрения» китайской внешней политики щедрых

экономических инвестиций. Китай использует «пряники» в форме значительных программ развития, чтобы угодить политическим элитам Центральной Азии с целью популяризации китайского присутствия, а также для отвлечения внимания от растущего насилия над мусульманами в провинции Синьцзян[8]. Можно утверждать, что амбициозная инициатива Китая – это эффективный способ приобрести влияние в регионе, чтобы снизить местные угрозы безопасности в провинции Синьцзян, установив тесные экономические отношения с соседями-мусульманами. Поскольку инициатива Си Цзиньпина улучшает региональные транспортные, коммуникационные, энергетические и торговые сети, государства Центральной Азии поддерживают эту новую дружбу, основанную на щедрых экономических инвестициях. Политика кнута и пряника может стать началом совместного китайско-российского правления, когда страны Центральной Азии не будут иметь права голоса в процессах принятия решений, касающихся их или их будущего развития.

Хотя китайские инвестиции привлекательны и хорошо реагируют на текущую плохую экономическую ситуацию в регионе, они могут привести к нежелательным последствиям, таким как хищническое кредитование, долговые спирали и отсутствие корпоративной социальной ответственности[9].

Казахстан был первой страной, проявившей сильный интерес к китайской инициативе, включив свою пятилетнюю (2015-2019 гг.) Государственную программу развития инфраструктуры «Нурлы жол» в инициативе «Пояс и Путь»[10]. Хотя Китай полагается на казахстанский импорт энергоносителей и считает своего ближайшего западного соседа важным звеном в реализации инициативы «Пояса и пути», экономика Казахстана в

Сопряжение «Нурлы Жол» и инициативы «Пояс и Путь».

значительной степени зависит от китайских инвестиционных и торговых соглашений. В 2017 году китайско-казахстанская двусторонняя торговля зафиксировала 11,07 млрд долларов оборота, что делает Китай вторым по величине торговым партнером Казахстана (после России)[\[11\]](#).

Узбекистан, самая густонаселенная страна в Центральной Азии, поддерживает продуктивные экономические отношения с Китаем благодаря крупным китайским инвестициям, особенно в энергетическом и цифровом секторах. Правительство Узбекистана недавно подписало с Китаем соглашение на миллиард долларов на развитие цифровой инфраструктуры в стране. Это будет вторая по величине китайская инвестиция в Узбекистан после газового проекта стоимостью 2 миллиарда долларов, при помощи которого с 2012 года туркменский и узбекский природные газы экспортируются в Китай[\[12\]](#).

Обладая обширными запасами углеводородов, Туркменистан является очень важным энергетическим партнером Китая, который, в свою очередь, остается крупнейшим потребителем газа в стране[\[13\]](#). Экспорт туркменского газа в Россию резко сократился с примерно 40 млрд. кубометров в 2008 году до нуля к 2017 году, при этом почти в восемь раз увеличился аналогичный экспорт в Китай, достигнув почти 30 млрд. кубометров в 2017 году[\[14\]](#).

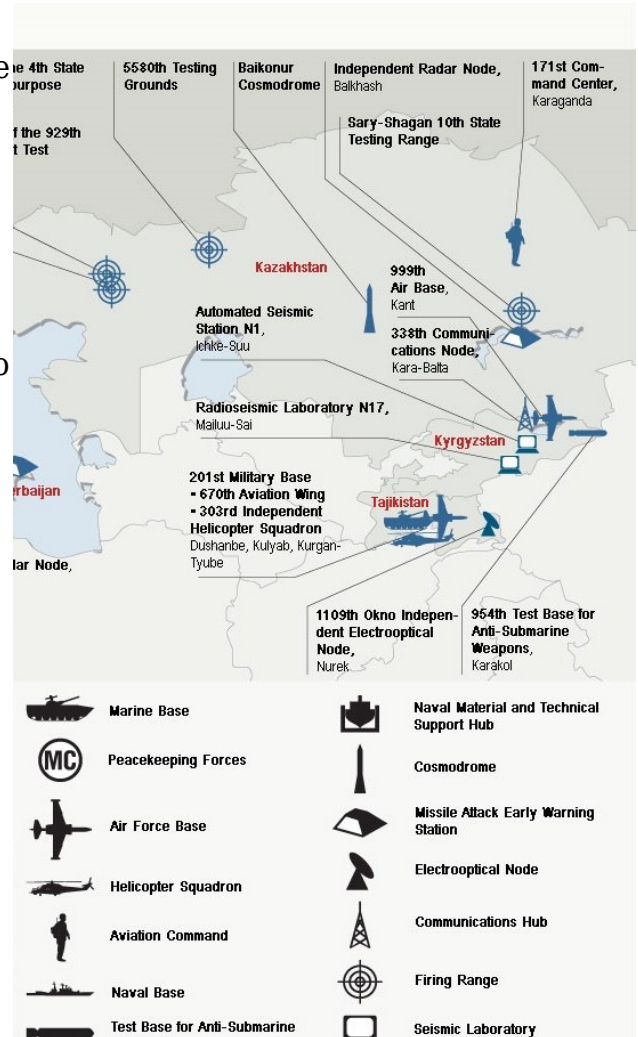
Китай также инвестирует значительные средства в Кыргызстан и остается крупнейшим кредитором страны, владея почти половиной внешнего долга Кыргызстана (1,7 млрд долларов из 3,8 млрд долларов в 2018 году)[\[15\]](#).

Таджикистан не остался невосприимчивым к грандиозному проекту Пекина. Хотя существуют серьезные проблемы с безопасностью, особенно в отдаленных горных районах страны, Китай все еще вкладывает значительные средства в экономику Таджикистана. В 2017 году прямые инвестиции Китая в Таджикистан достигли 95 миллионов долларов[\[16\]](#). Несомненно, Китай стал крупнейшим торговым партнером в регионе, обогнав экономически бывшую зону влияния России.

Возможно, что Россия утратила прочные позиции в Центральной Азии, особенно в сфере торговли и энергетики, но она по-прежнему играет важную роль в области безопасности в регионе. Не следует сбрасывать со счетов российское региональное влияние так быстро, особенно в свете новых усиленных отношений между Москвой и Пекином. Кремль проводит очень консервативную региональную внешнюю политику, где Центральная Азия по-прежнему считается «задворками» России, уступившей её жесткой власти. Российское присутствие остается сильным в культурных, языковых и политических кругах Центральной Азии[17]. Кроме того, в России занято значительное число трудящихся мигрантов из Центральной Азии, и регион зависит от этих существенных потоков денежных переводов, которые достигли почти 10,5 млрд. долл. США в 2018 году[18].

Несмотря на то, что Россия подчеркивает военные аспекты и аспекты безопасности своей внешней политики, российская мягкая сила также присутствует в регионе. Русский язык по-прежнему является общим языком во всех пяти государствах Центральной Азии, и многие региональные СМИ распространяют российскую пропаганду, восхваляя позитивную роль России в сирийских и украинских конфликтах[19]. Хотя ес

ть опасения, что Китай может распространить свое влияние на военные районы и зоны безопасности в регионе – он [Китай – прим. ред] уже имеет неофициальную военную базу в Таджикистане – Россия все еще сильнее в военном отношении с ее базами, расположенными в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Российская 201-я военная база в Таджикистане, авиабаза Кант в Кыргызстане и семь крупных военных баз в Казахстане демонстрируют российское военное господство в Центральной

Российские военные базы в Центральной Азии

Азии[20]. Кроме того, Россия остается ведущим поставщиком оружия в регионе[21]. Уроки русско-грузинской войны (2008 г.) и действий России на Украине являются предупреждением для Центральной Азии о том, что агрессивная внешняя политика России наказывает «непослушных» соседей. Кремль неоднократно демонстрировал готовность применять силу для сохранения своего контроля в регионе.

Уязвимость Центральной Азии

Находясь на пересечении глобальных и региональных держав, Центральная Азия не должна быть маргинализована на международной арене. Однако, государства Центральной Азии воспринимались просто как сфера влияния России, а в последнее время и Китая, или как потенциальная база для продвижения западных ценностей, хотя западная кампания пока не дала успешных результатов в регионе. Отсутствие внутренней связи, физические барьеры, нормативные препятствия, политические репрессии и в целом плохие экономические показатели[22] делают страны Центральной Азии уязвимыми для иностранного воздействия, манипулирования или побуждения. Регион страдает от плохой связи из-за нескольких геополитических и исторических причин.

Прежде всего, это не имеющий выхода к морю регион с суровым климатом, чрезвычайно пересеченной местностью и унаследованной устаревшей советской инфраструктурой. Кроме того, регион характеризуется политическими репрессиями и авторитарными режимами, которые усиливают региональную изоляцию и отрешенность[23].

Традиционно считаясь «задворками» России, Центральная Азия вступила в новую фазу стратегического позиционирования, где китайско-российское усиленное сотрудничество может диктовать будущий экономический и политический курс региона. Китай предлагает экономическое развитие как способ защитить регион от «трех зол» - терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма[24]. Пекин боится эскалации терроризма и политического насилия в Центральной Азии, что может легко дестабилизировать запад Китая и подорвать реализацию инициативы «Пояс и путь». Содействие экономическому развитию и связи посредством инвестиций в транспортную, цифровую и энергетическую инфраструктуру может привести к положительным общим экономическим результатам. Однако заключение соглашения с Китаем несет потенциальные риски, такие как бесконечный долг и китайское доминирование.

Таджикистан, как самая бедная из стран Центральной Азии, приветствовал обширные

инвестиции Китая, но в то же время стал страной с крупной задолженностью[25]. Россия и Китай, хотя вторая все еще неофициально, имеют военное присутствие в Таджикистане, что делает эту и без того экономически зависимую страну лишенной безопасности и военной независимости.

Узбекистан страдает от тех же проблем, что и другие страны региона. Неразвитая инфраструктура, широко распространенная коррупция, политические репрессии и плохие экономические условия привели страну к жажде иностранных инвестиций. Китайский телекоммуникационный гигант Huawei модернизировал цифровую инфраструктуру в Узбекистане, но в то же время такие инвестиции вызвали озабоченность по поводу конфиденциальности и вопрос о политических и стратегических последствиях доминирования Китая в этом секторе[26].

Самая открытая страна среди пяти стран Центральной Азии, Кыргызстан, в большом долгу перед Китаем и слишком хрупкая в экономическом отношении, чтобы эффективно реагировать на потенциальную хищническую ситуацию с кредитованием. Правительство Кыргызстана испытывает затруднения в том, чтобы заставить замолчать местные противостоящие голоса, которые требуют депортации китайских нелегальных иммигрантов и проверок компаний, которые нанимают китайскую рабочую силу[27]. Кыргызстан предпочитает закрывать глаза на дискриминационную политику Китая в отношении мусульманских (*кыргызского -прим. ред*) меньшинств и не очень прозрачные правила в отношении кредитной политики из-за финансовой зависимости и страха расплаты.

Власти Казахстана пытаются заткнуть активистов, которые осмеливаются поднять голос против лагерей перевоспитания Китая в провинции Синьцзян. Задержанный активист из Казахстана выразил обеспокоенность тем, что «мягкая сила и деньги Китая превращают казахстанские власти и интеллектуалов в агентов влияния Пекина»[28].

Туркменистан, наименее открытая страна в регионе, в настоящее время связан с Китаем посредством жизненно важных энергетических проектов. Из-за слабой внутренней институциональной системы и зависимости от экспорта газа и нефти правительство Туркменистана должно быть осторожным, чтобы не провоцировать и не выступать против своего крупнейшего энергетического партнера.

Несмотря на то, что Китай стал ведущим экономическим партнером в регионе, Россия по-прежнему является важным торговым центром для государств Центральной Азии.

В 2018 году общий товарооборот России с Центральной Азией составил около 25 млрд долларов[29]. Вопреки тому, что влияние Пекина в Центральной Азии усиливается, мягкая сила России по-прежнему широко распространена в регионе благодаря присутствию средств массовой информации, использованию русского языка и в сфере образования, где российские университеты более популярны среди студентов в Центральной Азии по сравнению с китайскими вузами[30]. Более того, многие семьи в регионе зависят от денежных переводов из России. Тем не менее, наиболее тревожной является российская принудительная дипломатия, которая без колебаний использует любые доступные средства для сохранения своего господства в регионе. Прямое военное вмешательство России в Грузию, смешанная агрессия в Украине, а также давление России на корректировку или даже прекращение некоторых энергетических проектов в регионе делают государства Центральной Азии очень уязвимыми и подверженными влиянию России. Будучи экономически зависимой от Китая и все еще находящейся под российским влиянием, Центральная Азия, возможно, утратила стратегическую независимость, поскольку более вероятно, что китайско-российское партнерство будет иметь достаточный интерес и силу для установления совместного правления в регионе.

Смещение сил

Смена сил в треугольнике Пекин-Москва-Вашингтон последовала за недавним расширением сотрудничества между Путиным и Си Цзиньпином и усилением агрессии США в отношении Китая и России. Такое изменение баланса отразилось и на стратегической позиции Центральной Азии. Китайско-российское присутствие, скорее всего, продолжит уменьшать независимость «станов» и западного влияния в регионе. Геокультурная близость, схожие взгляды на природу международного порядка и взаимное неприятие одобрения Западом прав человека и демократических ценностей[31] сблизили Китай и Россию, особенно на уровне региональной политики, где обе страны заинтересованы в сохранении стабильного и безопасного в Центральной Азии.

Из-за неспособности администрации Трампа больше вкладывать средства в согласование геостратегических, экономических и национальных различий внутри треугольника, связи США с Россией и Китаем стали более враждебными[32]. Более

того, присутствие Запада в Центральной Азии продолжает ухудшаться. Возможно, самым большим препятствием в построении более прочных отношений между США и Центральной Азией является видимое отсутствие верховенства закона во всех пяти «Станах», что заставляет западные корпорации неохотно инвестировать в регион, поскольку деловая среда слишком коррумпирована и ее трудно ориентировать[33].

Хотя Соединенные Штаты установили более тесные отношения с некоторыми из центральноазиатских стран сразу после событий 11 сентября, направляя силы на борьбу с ростом экстремистского радикализма и терроризма в Афганистане и предотвращение распространения насильственного экстремизма в регионе. Война в Афганистане утратила свою привлекательность для Америки, а вместе с ней значительно снизилась и заинтересованность Америки в центральноазиатской безопасности и военных конфликтах[34].

Кроме того, мощь США серьезно пострадала в постсоветском регионе, поскольку Запад не смог эффективно отреагировать на агрессивную внешнюю политику России после украинского кризиса и аннексии Крыма[35]. Центральная Азия осталась на периферии интересов США, в то время как Китай и Россия включили этот регион в свои внешнеполитические проекты и продолжают наращивать свое региональное присутствие и влияние.

И Китай, и Россия едины в борьбе с односторонним подходом США и доминирующим западным демократическим дискурсом, который подчеркивает защиту прав человека и демократических ценностей[36]. Китайско-российский союз не лишен противоречий и скрытого соперничества, однако, это партнерство целесообразности позволяет приспособиться к своим внутренним различиям и осторожно делиться властью с близкими соседями. Не следует ожидать, что Россия будет ставить под сомнение, по крайней мере, официально, дальнейшую экспансию Китая в Центральной Азии, поскольку она уже ослаблена западными санкциями. Более того, Россия начала воспринимать «Один Пояс-Один Путь» как возможность, а не как угрозу[37].

В 2018 году товарооборот между Китаем и Россией превысил 100 миллиардов долларов, в то время как несколько запланированных знаковых проектов, таких как газопровод по восточному маршруту Китай-Россия, железнодорожный мост Тунцзян и трансграничный автомобильный мост, еще больше укрепят китайско-российское экономическое сотрудничество[38]. Некоторые могут утверждать, что китайский военный вход в Таджикистан может серьезно спровоцировать Россию и стать точкой трения в китайско-российском партнерстве. Тем не менее, китайское военное присутствие в Таджикистане, хотя неблагоприятное обстоятельство для России, не

нанесет серьезного ущерба уже усиленному китайско-российскому сотрудничеству. Россия осознает, что пограничные районы Таджикистана, подверженные насилию, сложно и дорого контролировать, и в этом случае присутствие китайских войск может быть выгодно для России, поскольку Китай будет нести большую часть расходов и рисков, связанных с безопасностью[39].

Центральная Азия останется в китайско-российской зоне влияния, где [их] общая региональная власть возрастет за счет зависимости «Станов» и ослабления западного влияния в регионе.

Выводы

Китай и Россия осознали, что обе страны могут выиграть от сотрудничества больше, чем от конкуренции, особенно в Центральной Азии[40]. Пять государств центральноазиатского региона являются важной геостратегической зоной влияния, где сближение интересов Китая и России поставило под сомнение силу Запада, а также независимость «Станов». Китай хочет установить хорошие экономические связи с Центральной Азией в целях реализации своего стремительного проекта ИПП, в то время как Россия хочет сохранить свое доминирование в регионе в качестве в первую очередь влияния в военной и области безопасности. Оба могут достичь этих целей, если будут готовы делиться властью над регионом, который может оставить Центральную Азию без реальных рычагов для принятия независимых решений на местном уровне.

Обозначенная либо как «задворки» России, либо как периферия Китая, в Центральной Азии существует проблема определения своего курса без вмешательства извне и давления. Жонглируя между тремя крупными региональными авторитетами, Китаем, Россией и Западом, (хотя США, похоже, отстают в региональной гонке, которая благоприятствует китайско-российскому удобному партнерству), у государств Центральной Азии, возможно, не останется иного выбора, кроме как уступить китайско-русскому общему правлению. Запад не очень помог, поскольку его связи с регионом остались на дипломатическом уровне. В то время как китайско-российское сотрудничество, как ожидается, будет продолжать расти, элиты «Станов», вероятно, останутся послушными, если не удастся добиться каких-то существенных изменений изнутри, чтобы превратить нынешние слабые институциональные системы в более ответственные и подотчетные политические учреждения во всех пяти государствах Центральной Азии.

Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.

[1] Пол Вассерман и Молли Салтског, «Реалии Китайско-российского согласования на примере Центральной Азии», Global Risk Insights, 6 марта 2019 г.

<https://globalriskinsights.com/2019/03/china-russian-central-asia/>

[2] «Как соглашение Владимира Путина с Китаем ослабляют Россию», The Economist, 25 июля 2019 г.

<https://www.economist.com/briefing/2019/07/25/how-vladimir-putins-embrace-of-china-weakens-russia>

[3] Пол Стронски и Николь Нг, «Сотрудничество и конкуренция: Россия и Китай в Центральной Азии, на Дальнем Востоке России и в Арктике», Фонд Карнеги за Международный Мир, 28 февраля 2018 года.

<https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.

[4] Александр Кули, «Чьи правила, чья сфера? Российское управление и влияние в постсоветских государствах », Фонд Карнеги за Международный Мир, 30 июня 2017 г.

<https://carnegieendowment.org/2017/06/30/whose-rules-whose-sphere-russian-governance-and-influence-in-post-soviet-states-pub-71403>.

[5] «Дело китайско-российских отношений в тени США», Азиатский форум, 10 мая 2009 г., доступ от 10 сентября 2019 г.,

[6] Пол Стронски и Николь Нг, «Сотрудничество и конкуренция: Россия и Китай в Центральной Азии, на Дальнем Востоке России и в Арктике»

[7] Райан Мэнс и Брэндон Валериано, «Выбор внешней политики России и применение ситуативной принудительной дипломатии», «Российская принудительная дипломатия» (Лондон: Palgrave Macmillan, 2015), глава. 2, с.21, https://doi.org/10.1057/9781137479440_2.

[8] «Как соглашение Владимира Путина с Китаем ослабляют Россию», The Economist

[9] Адиль Мянхель, «Почему Центральная Азия выбирает китайские инвестиции», Восточноазиатский форум, 29 июня 2019 г., доступ от 9 сентября 2019 г.,

<https://www.eastasiaforum.org/2019/06/29/why-central-asia-chooses-chinese-investment/>.

[10] Чжан Сяо, «Пояс и путь: путь взаимовыгодного развития и общего процветания Китая и Казахстана», The Astana Times, 11 сентября 2018 г., доступ от 14 сентября 2019 г.,

<https://astanatimes.com/2018/09/belt-and-road-path-of-mutually-beneficial-development-and-shared-prosperity-of-china-and-kazakhstan/>.

- [11] Назира Кожанова, «Казахстанская дилемма Синьцзян», «Дипломат», 1 мая 2019 г., доступ 2 сентября 2019 г., <https://thediplomat.com/2019/04/kazakhstans-xinjiang-dilemma/>.
- [12] Умида Хашимова, «Китай доминирует в цифровой инфраструктуре в Узбекистане», The Diplomat, 28 июня 2019 г., доступ от 3 сентября 2019 г., <https://thediplomat.com/2019/06/china-dominates-digital-infrastructure-in-uzbekistan/> ,
- [13] «ТУРКМЕНИСТАН: ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ», портал Сантандер-Трейд, доступ 2 сентября 2019 г., <https://en.portal.santandertrade.com/establish-overseas/turkmenistan/investing-3>.
- [14] «Экономическая эволюция Центральной Азии от России до Китая», Stratfor Worldwide, 5 апреля 2018 г., доступ 15 сентября 2019 г., <https://worldview.stratfor.com/article/central-asia-china-russia-trade-kyrgyzstan-kazakhstan-turkmenistan-tadjikistan-uzbekistan>.
- [15] Стефан Хедлунд, «Китай считает инвестиции в Кыргызстан рискованной необходимостью», Службы геополитической разведки, 11 апреля 2019 г., доступ 4 сентября 2019 г., <https://www.gisreportsonline.com/china-finds-investment-in-kyrgyzstan-a-risky-necessity-economy-2843.html>.
- [16] Кинлинг Ло, «Китай увеличивает свое присутствие на бывшем центрально-азиатском заднем дворе России», газета South China Morning Post, 25 августа 2019 г., доступ 9 сентября 2019 г., <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3024261/china-steps-its-presence-russias-former-central-asian-backyard>.
- [17] «Как соглашение Владимира Путина с Китаем ослабляют Россию», The Economist
- [18] Сэм Бхутия, «Денежные переводы из России в Центральную Азию снова растут», Eurasianet, 23 мая 2019 г., доступ 10 сентября 2019 г., <https://eurasianet.org/russian-remittances-to-central-asia-rise-again>.
- [19] Абахон Султонназаров, «Центральная Азия: мало свободных СМИ, много российской пропаганды», Институт по освещению войны и мира (IWPR), 3 мая 2019 г., доступ 12 сентября 2019 г., <https://iwpr.net/global-voices/central-asia-little-free-media-lots-russian>.
- [20] Арман Мусин, «Военные базы России в Центральной Азии», Обзор политологии Назарбаев Университета (NUPSR), 11 января 2017 г., доступ 13 сентября 2019 г., <https://nupsreview.wordpress.com/2017/01/11/russias-military-bases-in-central-asia/>.
- [21] Михаил Барабанов, «Экспорт российского оружия в Центральную Азию», журнал BMPD Live, 31 декабря 2018 г., доступ 4 сентября 2019 г., <https://bmpd.livejournal.com/3478307.html>.
- [22] Мартин Рассел, «Связность в Центральной Азии, воссоединение Шелкового пути», EPRS | Европейская парламентская исследовательская служба, апрель 2019 г., доступ 12 сентября 2019 г., [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI\(2019\)637891_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI(2019)637891_EN.pdf).
- [23] Рассел, «Связность в Центральной Азии».

[24] Вассерман и Сальцког, «Реалии Китайско-российского согласования на примере Центральной Азии»

[25] «Как соглашение Владимира Путина с Китаем ослабляют Россию», The Economist

[26] Хашимова, «Китай доминирует в цифровой инфраструктуре Узбекистана».

[27] Хедлунд, «Китай считает инвестиции в Кыргызстан рискованной необходимостью»

[28] Кэтрин Путц, «Суд над активистом казахского Синьцзяна начинается с переселения, обвинения в подстрекательстве сохраняются», 29 июля 2019 г., доступ 10 сентября 2019 г., <https://thediplomat.com/2019/07/kazakh-xinjiang-activists-trial-begins-with-relocation-incident-charges-linger/>

[29] Сэм Бхутия, «Новая стратегия ЕС в Центральной Азии: что это значит для торговли?» Eurasianet, 5 июня 2019 г., доступ 10 сентября 2019 г., <https://eurasianet.org/the-eus-new-central-asia-strategy-what-does-it-mean-for-trade>

[30] Стронски и Н.Г. «Сотрудничество и конкуренция: Россия и Китай в Центральной Азии, на Дальнем Востоке России и в Арктике».

[31] Стронски и Нг, «Сотрудничество и конкуренция».

[32] «Дело китайско-российских отношений в тени США», Азиатский форум

[33] Чарльз Салливан, «Сверхдержава и «Станы»: почему Центральная Азия не является «центральной» для Соединенных Штатов», Обзор SAIS по международным делам, 27 марта 2019 г., доступ 12 сентября 2019 г., <https://www.saisreview.org/2019/03/27/the-superpower-and-the-stans-why-central-asia-is-not-central-to-the-united-states/>.

[34] Чарльз Дж. Салливан, «Сверхдержава и «Станы».

[35] Стивен Бланк, «Чему Крым учит Центральную Азию», «Дипломат», 27 мая 2014 года, доступ 6 сентября 2019 года, <https://thediplomat.com/2014/05/what-crimea-teaches-central-asia/>.

[36] Стронски и Нг, «Сотрудничество и конкуренция».

[37] Дмитрий Тренин и Александр Габуев, «КАКОВ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД РОССИИ К ИПП?» Центр глобальной политики Карнеги-Цинхуа, 25 апреля 2019 г., доступ 10 сентября 2019 г., <https://carnegietsinghua.org/2019/04/25/how-are-various-countries-responding-to-china-s-belt-and-road-initiative-pub-79002>.

[38] Жэнь Ци, «BRI укрепил китайско-российские отношения», ChinaDaily, 22 апреля 2019 г., доступ 14 сентября 2019 г., <http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/22/WS5cbd237aa3104842260b7792.html>.

[39] Ло, «Китай увеличивает свое присутствие на бывшем центрально-азиатском заднем дворе России»

[40] Стронски и Нг, «Сотрудничество и конкуренция».

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.